

ЛИВИО САНСОНЕ

**ГАЛАКТИКА
ЛОМБРОЗО
ИЛИ ТЕОРИЯ
«ЧЕЛОВЕКА
ПРЕСТУПНОГО»**

Издательство АСТ

Москва

УДК 316.6
ББК 88.5
С18

Livio Sansone
La Galassia Lombroso
Печатается с разрешения GIUS. LATERZA & FIGLI S.P.A
с/о ELKOST International Literary Agency.

В оформлении книги использованы иллюстрации Fonte:
Archivio del Museo di Antropologia criminale «Cesare Lombroso»,
Università di Torino. Collocazione: IT SMAUT Museo Lombroso.

Подготовлено при поддержке Министерства иностранных дел
и международного сотрудничества Италии.

Сансоне, Ливيو.
С18 Галактика Ломброзо или Теория «человека преступного» / Л. Сансоне — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 272 с. — (Нонфикшн.Лекции).

ISBN 978-5-17-157219-8

Книга «Галактика Ломброзо» исследует влияние итальянского интеллектуала Чезаре Ломброзо на социальную политику в Латинской Америке в конце девятнадцатого века. Автор раскрывает роль «галактики» вокруг Ломброзо, которая способствовала распространению его идей за океаном и формированию культуры категории «прирожденный преступник». Книга освещает влияние этих идей на репрессивную, тюремную и психиатрическую систему, а также на расовые отношения в странах Латинской Америки. Этот культурный феномен описывается как значимый, но забытый в современном обществе.

УДК 316.6
ББК 88.5

ISBN 978-5-17-157219-8

© Gius. Laterza & Figli, 2022
© М.С. Соколова, перевод, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ОТ АВТОРА

Эта книга посвящена важнейшему вопросу истории социальных наук, в частности развитию представлений о расе, Африке, африканцах и чернокожих, а также сильному влиянию, которое идеи Чезаре Ломброзо, его теория и созданная им сеть исследователей оказали на формирование социальных наук в Латинской Америке и, в частности, в Бразилии.

Это бывает со всеми, кто занимается личностями, которых прошедшее время превращает в противоречивые и спорные — меня часто спрашивают, почему Чезаре Ломброзо так меня интересует. Возможно, потому что меня, как и многих до меня, привлекают по-прежнему актуальные темы, выглядящие сегодня щекотливыми: такие как атавизмы, вырождение, физиогномика, гипноз, связь между гениальностью и безумием, тюремное искусство, татуировки, жаргон и мессианство? Конечно, но я должен пояснить, что мой интерес к Ломброзо — это следствие длинного пути, ставшего в итоге частью обширного проекта. Перед нами стояла цель изучить, как люди воспринимают расу, то есть как формируются расовые идеи, и собственно расизм, как они обращаются в неприятие Другого. Проект стремится понять и контекстную сложность, в которой зарождаются подобные идеи. Не только консервативные теоретики внесли в них вклад, но и ученые, связанные с эмансипацией подчиненных или дискриминируемых групп (например, различные еврейские теоретики), а также значительная группа социалистов и анархистов. Расистские представления, к примеру, веру в существование четырех «великих рас», в подобном смысле используют и некоторые африканские лидеры, чтобы создать

новый эмансипационный дискурс освобождения от колониального расизма.

Я занимаюсь вопросами «расы» и этничности с тех самых пор, как начал формироваться как антрополог, в конце 70-х годов; я исследовал в основном вопросы этнографии, а недавно переключился на работу в архивах. Мы, антропологи, оказались к ней не готовы, это порой слегка тормозит нас и заставляет задуматься: а что мы делаем тут, в архивах, это же место историков? Однако сегодня невозможно не только изучать важные вопросы, порожденные новой этничностью, антиглобализационным неонационализмом, использованием политиками расовой теории (как новой формы популизма) для исключения Другого, но и исследовать новые способы применить этнико-расовые категории к различным меньшинствам, добиваясь уважения и гражданства. Важно не пытаться найти исторические корни и понять расовые идеи как часть всеобщего контекста, где рождаются и развиваются как большинство социальных движений, так и настоящие науки о социуме. Должен признаться, что, имея образование в области социологии и антропологии, я лучше всего перемещаюсь в пространстве в поисках сетей, потоков и путей, чем во времени в поисках корней и «традиций»: я не совсем историк. Но несмотря на это, мне просто необходимо установить профессиональный диалог с расовыми идеями и историей расизма¹.

Мы знаем, что социальные исследования для антрополога прежде всего предполагают акт самопознания, поэтому я считаю очень важным занять позицию и с учетом моего персонального опыта. Эта книга является еще и результатом диалога между «двумя мирами»: между страной, в которой я вырос, Италией, и страной, которая меня усыновила, Бразилией. Таким образом в этом исследовании возникло измерение, которое я мог бы назвать «прустовским». Если это не возвращение к истокам, то уж наверняка перечитывание части «истории родины» в свете почти сорока лет жизни за границей. Интерес к «вопросам расы» и к Африке — континенту, противоположному во многом Европе и служившему для реализации этого интереса — возник у меня одновременно с интересом к миру. «Раса» и Африка стали частью моей социализации в детстве, еще до того, как мне начали их преподавать — плохо — в средней школе. Несмотря на то, что в классическом школьном образовании

Африка отсутствует, она присутствует во внешкольной жизни, в наших ощущениях, проявляется, хотя весьма приблизительно и редко индивидуализировано, вне авторских атрибуций, в музыке, танце, прикладном искусстве, в дизайне аэропортов. В моем случае «воспоминания об Африке» концентрировались вокруг нескольких тем: Абебе Бикила* на Олимпиаде в Риме в 1960 году, резня в Кинду**, Моиз Чомбе*** (во второй половине 60-х имя «Чомбе» в нашем доме стало эквивалентом «подлого предателя») и Патрис Лумумба****, сыновья африканских дипломатов, с которыми я играл на улице в Париоли, фильм «Битва за Алжир» (Джилло Понтекорво, 1966 г.), на съемках которого работал мой отец — у нас дома некоторое время жил алжирский беженец (Али Лагель, следы которого я, к сожалению, потерял), потом путешествия в Мали и Уганду к отцу, который долгие годы там жил и работал; огромное количество всяких африканских штук в коллекции отца и его жены, нетрадиционные и как правило положительные отзывы отца о Муамаре Каддафи, Иди Амине и, прежде всего, Тома Санкара*****.

Таким образом, мой интерес к расовым теориям, их истории и актуальности, а также к влиянию Африки на воображение и органы чувств, имеет почти такой же возраст, что и я сам. Однако это не единственная причина того, что исследования,

* Абебе Бикила (1932–1973) — эфиопский марафонец, получивший известность благодаря победе в олимпийском марафоне 1960 года, всю дистанцию которого он преодолел босиком; первый в истории двукратный олимпийский чемпион в марафоне — 1960 и 1964 годов, первый в истории чернокожий олимпийский чемпион из африканской страны.

** Резня в Кинду произошла 11 или 12 ноября 1961 года в Порт-Эмпен, в Конго-Леопольдвиль (бывшее Бельгийское Конго) были убиты тринадцать итальянских летчиков из Операции ООН в Конго (ONUC), посланных для умиротворения страны, опустошенной гражданской войной.

*** Моиз Чомбе (1919–1969) — конголезский политик, президент Государства Катанга в 1960–1963 гг., премьер-министр Республики Конго (Леопольдвиль) в 1964–1965 гг., обвинялся в убийстве Патриса Лумумбы.

**** Патрис Лумумба (1925–1961) — конголезский политический и государственный деятель лево-националистического толка, поэт, первый премьер-министр Демократической Республики Конго в 1960 г., был убит 17 января 1961 года.

***** Тома Санкара (1949–1987) — буркинийский политический, государственный и военный деятель, марксистский революционер, теоретик панафриканизма, поэт и прозаик. За свою убежденность, революционную деятельность и аскетизм был прозван «Африканским Че Геварой» и «Самым честным президентом».

легшие в основу этой книги, имеют нечто общее с «Поисками потерянного времени» Пруста. Для меня оно стало возвращением в Италию и к итальянскому языку после почти сорока лет жизни и исследований за границей. Год в Италии с моими детьми-подростками — моим будущим — и в контакте с отцом и дядей — моим прошлым — вполне закономерно подвел меня к конфликту между памятью и ожиданиями, который в свою очередь влияет на сегодняшние исследования и формирование воспоминаний о прошлом. Многие полагают, что для исследований, и в особенности для написания книги, лучше всего пребывать в одиночестве и изоляции. А в моем случае все было ровно наоборот. Я пытался писать в те моменты, когда прошлое (отец) и будущее (дети) оставляли меня в покое.

Моя собственная жизнь тоже повлияла на выбор объекта для исследований: я читал обо всем, но не все. Мне пришлось столкнуться с историей и огромным историографическим наследием времен итальянского национально-освободительного движения и либерализма в Италии, изучить развивающееся направление по пересмотру колониальной истории и дебаты о характере, происхождении и структуре итальянского населения, не забывая при этом и о проблемах южных территорий. Впервые за последние 20 лет я почувствовал себя, как в годы, когда писал диссертацию, когда не знал, куда слать запросы и был потрясен обширностью научных знаний. Пришлось стать, хоть это и невозможно на самом деле, специалистом в самых разных областях, затронутых книгой: физической и культурной антропологии, криминологии, истории науки и прежде всего медицины, психиатрии, «политических наук» и истории расовых идей и расизма. Однако оно того стоило. Приключение могло стать еще более опасным, если бы не сотрудничество и щедрая помощь Сильвано Монтальдо и Кристины Чилли из Музея Ломброзо Туринского университета; Карлотты Сорба и Анналисы Фризина из Университета Падуи; Гайи Джулиани, Татьяны Петрович, Франческо Помпео, Микелы Фусаски; коллег из библиотеки Современной истории в Риме (особенно Розанны де Лонги); Вито Латтанци из Музея Пигорини в Риме; Марии Грации Росселли и Моники Заваттаро из Музея этнологии и антропологии Университета Флоренции; Дженнифер Коминс из Библиотеки редких книг и рукописей Колумбийского университета. Особую благодарность я должен принести со-

трудникам архива Вьёссе во Флоренции и Национальной библиотеки, а также архивов Academia Brasileira de Letras и Casa Rui Barbosa в Рио-де-Жанейро, Centro de Estudos Brasileiros университета в Сан-Паулу. Книга вряд ли бы появилась на свет без соучастия и поддержки Питера Вонка, Марко Д'Эрамо, Марины Форти, Микеле Бураккьо, Мари Деку, Джона Коллинза и Роберто Травальи, без неоценимой помощи Джованни Карлетти и многих других сотрудников издательства Laterza. Я бесконечно благодарен бразильскому фонду Capes за стипендию, предоставленную мне в 2014 году и Научно-исследовательскому совету Бразилии (CNPq).

Должен добавить, что, помимо необходимости знакомства с кучей разных областей знаний, относительно новых для меня, мне пришлось не без труда возвращаться к искусству создания текстов на итальянском, который за столько лет из материнского языка стал «языком мачехи». Матрица поисков, претендовавшая на международный размах и затрагивавшая относительно долгий период истории, потребовала воистину филигранных усилий. Тем не менее я надеюсь, что читатели, открывая вместе со мной новые мостики, связи и пути, которые я постарался показать в этой книге, простят мне мелкие огрехи. Я уверен, что книга не состоялась бы без бесконечного терпения моей спутницы жизни, Суэли, и моих детей, Джулио и Педро, которые, я надеюсь, простят мне все те часы, когда я вынужден был отказываться от отцовских обязанностей. Я благодарен моим друзьям, старым, и тем, которых я имел счастье встретить или открыть заново в течение этого года, проведенного в Италии, и всех коллег, открывших мне дверь и бросивших мне мостик. Эту книгу я посвящаю братьям Альфонсо и Агостино Сансоне, моему дяде и моему отцу.

ВВЕДЕНИЕ.

ПО СЛЕДАМ НИНЫ РОДРИГЕСА

Эта книга своим появлением во многом обязана Раймундо Нине Родригесу, родоначальнику афро-бразильских исследований. Он умер в Париже в 1906 году, в возрасте всего 46-ти лет, во время своего первого заграничного путешествия. Вместе с коллегой-психиатром (к тому же чернокожим) Хулиано Морейра они собирались встретиться с Чезаре Ломброзо (далее ЧЛ) в Турине по случаю VI Международного конгресса антропологов-криминалистов, на котором праздновалось пятидесятилетие научной деятельности итальянского ученого¹. Тело Нины было забальзамировано парижскими коллегами (возможно и самим Александром Лакассанем* в Лионе) — так было принято в те времена среди ученых-позитивистов** — и переправлено в Баию. Но в Сальвадоре тело, вместо того чтобы быть пожертвованным для медицинских исследований, как того желал сам покойный, было захоронено по требованию семьи. Коллеги по Медицинской школе тоже не проявили особого энтузиазма, получив забальзамированный труп блестящего профессора, выдающегося участника дискуссий и коллекционе-

---

* Александр Лакассань (1843–1924) — основатель французской школы судебной медицины и криминальной антропологии с центром в Лионе, которая конкурировала с итальянской школой криминологии Ломброзо (здесь и далее — прим. перев.).

** Позитивизм — философское учение и направление в методологии науки, считающее единственным источником истинного знания эмпирические исследования и отрицающее познавательную ценность философского исследования.

ра талисманов и магических аксессуаров². Медик, этнограф, позитивист, метис, расист (последнее, возможно, *malgré lui*^{*}), да еще и *оган*³.

Как раз в течение поиска переписки между ним и Ломброзо и зародился мой интерес к ЧЛ, его идеям, его сети, настоящей международной галактике, необычному переосмыслению социальных и расовых проблем и даже к его эклектизму. На мой взгляд Нина, как и ЧЛ, был таким пионером, если можно его так назвать, Дон Кихотом социальной медицины, дисциплины на полпути между социальными науками и «чистой» медициной — он считал себя ближе к первому, чем ко второму. Переписка до сих пор не найдена, но в двух случаях я видел цитаты из нее: в биографии ЧЛ, написанной его дочерью Джинной, — там Нина указан в качестве контактного лица, пропагандировавшего в Бразилии новые идеи в тюрьмах, приютах, в системе уголовных наказаний, и даже упоминается как «адвокат» (1921; 211), и в первой знаменитой книге Фернандо Ортиса *Los negros brujos*, первое издание которой вышло в Мадриде и датировано 1906 годом. В период между 1902 и 1905 годами Ортис** регулярно посещал студию ЧЛ в Турине, и, согласно нескольким надежным источникам, именно там ознакомился с работой *L'animisme fétichiste*, опубликованной Ниной на французском для распространения в Европе. Рукопись приобрел не только ЧЛ, но еще и Марсель Мосс***, сделавший ее тщательный и доброжелательный обзор (Mauss 1901). Усилия Нины Родригеса увенчались успехом — в номере от 1895 года журнала *Archivio di Psichiatria, Scienze Penali ed Antropologia Criminale* (далее AP), основанного ЧЛ еще в 1880 году, есть целых три ссылки на его труды: краткое содержание *L'animisme fétichiste* на французском, рецензия ЧЛ на его книгу и еще одна статья. В № 16 за 1986 год опубликованы еще две ссылки на него: во французской статье *Nègres criminels au Brésil* и рецензия на *Les races humaines*, написанная самим ЧЛ⁴. Венцом признания для первой опубликованной Ниной книги *As colectividades anormales*⁵ стал пролог, отредактированный ЧЛ.

* помимо его собственной воли (фр.)

** Фернандо Ортис / Fernando Ortiz (1881–1969) — выдающийся кубинский ученый, этнограф, антрополог фольклора, географ, экономист, исследователь афро-кубинской культуры.

*** Марсель Мосс (1872–1950) — французский этнограф и социолог.

Как и многие создатели новых дисциплин или новых исследовательских направлений в науке, фигура Нины Родригеса была окружена мифами и анекдотами. О нем даже были написаны романы, такие как «Жубиаба» Жорже Амаду. Рассказывают, что он, возможно, сотрудничал со своим современником Мануэлем Кверино, чернокожим самоучкой-этнографом⁶ и с важными ключевыми информаторами, такими, как африканец Мартиньяно до Бонфим, *бабалао*⁷ и почетным президентом II Афро-бразильского конгресса в Сальвадоре в 1937 году (Carneiro e Couto Ferraz 1940). Нину называют «самым главным пропагандистом теории Позитивистской школы криминологии в Латинской Америке» (эта фраза часто встречается в Koch-Ammassari 1992 и повторяется многими другими авторами⁸). Нина Родригес стал героем интересной и важной интеллектуальной биографии (Corgêa 1996).

Кроме того, существуют еще и рассказы тех, кого мне нравится называть «весталками архивов» (их часто ассоциируют с «преторианцами мысли») — они больше века сохраняли живую (ну, может, слегка забальзамированную) память о Нине в Медицинской школе Байи, так же как о Паоло Монтегацца* (далее ПМ) во Флоренции и о ЧЛ в Турине, хотя, конечно, больше в воображении, чем в виде конкретных документов. По словам Ламартина де Андраде Лимы в книге *Roteiro de Nina Rodrigues* (1980), Нина умер внезапно после посещения Лакассаня в Лионе и ЧЛ в Турине. Однако никаких следов переписки Нины⁹ не найдено, к тому же сегодня известно, что, к огромному сожалению, Нине не удалось встретиться лично с маэстро ЧЛ, хотя он этого страстно желал.

Двигаясь по следам Нины, частично благодаря интуиции, но в основном по *счастливой случайности*¹⁰, мне удалось обнаружить некоторые фрагменты и множество деталей того, что я назвал бы галактикой: международной сети, центром которой была студия ЧЛ, и которая создала вдобавок несколько суб-центров сетей его последователей или эпигонов. Мощная сеть была развернута во многих европейских странах (в первую очередь во Франции, Германии и Голландии, но также и в Португалии, Испании, России, Англии и других), она добралась и до Австралии, Индии, США, и наиболее плотной была в Южной

---

* Паоло Монтегацца (1831–1910) — итальянский врач и гигиенист, известный популяризатор науки и автор научно-популярных книг.

Америке. Лишь часть, скорее всего меньшая, этих людей знала ЧЛ лично, видела его студию и знаменитый музей-лабораторию. Основная часть знала мэтра существенно меньше, но использовала его в научных баталиях, часто интерпретируя и порой упрощая его идеи для разных контекстов. На самом деле, вполне реально доказать, что, по крайней мере до повторного открытия Грамши в 70-х годах, ЧЛ был самым цитируемым итальянским автором в Латинской Америке, до такой степени, что вплоть до сегодняшнего дня, как мы увидим далее, в его честь вручались различные премии в области юриспруденции и т.н. «полициологии». Пришлось ждать до 80-х годов, чтобы Латинская Америка начала массово цитировать и других итальянских авторов: Карло Гинзбурга, Умберто Эко, Тони Негри, Джанни Ваттимо и Джованни Арриги*. Ни одного антрополога. Тем не менее, еще в 2002 году, во время моей лекции в магистратуре по правам человека в Рио-де-Жанейро, один из слушателей назвал ЧЛ «маэстро», к моему огромному изумлению!

Таким образом, существует еще в мире место, где термин «ломброзианский» активно используется и по сей день — это Латинская Америка, несмотря на важные исследования ДНК и популяризацию генетики, занявшей в современном мире место физиогномики. Речь идет, на самом деле, о терминологии, напоминающей о слове «кафкианский»: похоже, что читать и знать Кафку не обязательно, чтобы претворять его в жизнь. Нечто подобное происходит и с именами Феллини и Грамши**, используемыми вне всякого соответствия взглядам их носителей. Можно сказать, что ЧЛ пополнил список авторов, важных для расизма и расистов — в него входят также Чарльз Дарвин, Жозеф-Артур де Гобино и Герберт Спенсер***, их часто цитиру-

---

* Карло Гинзбург (1939) — историк, медиевист; Умберто Эко (1932–2016) — писатель, философ; Тони (Антонио) Негри (1933) — философ и политический деятель; Джанни Ваттимо (1936–2023) — философ, теоретик постмодернизма, писатель и политик; Джованни Арриги (1937–2009) — экономист и социолог

** Феллини и Грамши — Федерико Феллини (1920–1993), кинорежиссер; Антонио Грамши (1891–1937) — философ, марксист, борец за освобождение человечества от капиталистического гнета и эксплуатации.

*** Чарльз Дарвин (1809–1882) — натуралист, выдвинувший идею эволюции; Жозеф-Артур де Гобино (1816–1882) — французский писатель-романист, социолог, автор «арийской» расовой теории; Герберт Спенсер (1820–1903) — английский философ и социолог, один из родоначальников эволюционизма и идеолог либерализма.

ют и упоминают, вдобавок порой вовсе не к месту, но практически не читают. Вдобавок ЧЛ, названный в бразильской прессе в начале века характерологом, физиономистом и психопатологом, стал не только самым цитируемым за пределами страны итальянским интеллектуалом (несомненно, самым цитируемым среди своих современников), но и являл образец воздействия итальянского интеллектуального климата и политики. Я не собираюсь ни восхвалять его, ни заниматься историческим ревизионизмом: ЧЛ был и остается весьма противоречивой личностью. Говоря попроще, я совершил попытку проследить детальную историю расовых идей у ЧЛ и их последствий в Латинской Америке, уделив особое внимание двум аспектам: как они менялись — да и должны были меняться — в пространстве и времени, на протяжении жизни даже одного исследователя; как и до какой степени важны взаимосвязи и контакты, национальные и не только, совместно прожитые истории (Siegel 2009) и межличностные связи в построении и поддержании научной парадигмы (Adam Kuper, цитируется по Matos 2013).

В открытых каналах того, что я называю Галактикой Ломброзо — совокупности международных конгрессов, конференций, журналов, ксерокопий, газет, книг, музеев, путешествий, переписки, посылок, — циркулировали идеи, проекты, изображения и артефакты (череп, ножи, амулеты, кости, кусочки кожи, музыкальные инструменты, маски, мумии, полицейские документы, письма из тюрем и приютов, произведения так называемого тюремного искусства и т. д.). Благодаря этой сети сформировался взаимообмен не то чтобы между равными — поскольку в конкретном случае с Бразилией развитость институций в научной жизни была намного скромнее, чем в Италии — но между исследователями, интересующимися жизнью Другого. Порой они выслушивали его, а порой превращали обмен мнениями в диалог слепого с глухим. Подтверждение гипотез было важнее, чем новые открытия: латинская Америка искала нечто в Южной Европе, а Европа — в Латинской Америке. Таким образом, это было очень сложное и даже неоднозначное понимание, которое никогда не превращалось в примитивное поглощение латиноамериканскими интеллектуалами всего, что бы не поступало из Италии. Это был международный обмен, в котором понятия были глобальными, но их трактовка — локальной. В книге я постарался показать, какими

сложными бывают подобные взаимодействия, поскольку это важно, чтобы понимать, как формируются социальные науки в Латинской Америке.

Работы о восприятии европейского позитивизма породили настоящую традицию в истории социальных наук в Латинской Америке. Даже его урезанная версия в виде того, что многие называли ломброзианством, породила огромное количество исследований. Некоторые из этих трудов, как, например, работа Фернандо де Азеведо* (1939) по истории социологической мысли в Бразилии, стали слегка уже устаревшей классикой, в то время как другие, более сфокусированные на ломброзианстве, особенно важны для объективной реконструкции антропологической истории в Латинской Америке. На трех самых важных интерпретациях идей Ломброзо в Бразилии (Нина Родригес), на Кубе (Фернандо Ортис) и в Аргентине (Хосе Инженьерос) мы сосредоточимся чуть дальше. Кроме того, существуют еще два труда, посвященных транзиту идей между Италией и Южной Америкой в эпоху позитивизма — их я буду часто цитировать: Barbano et al. 1992 и Vajão 2005. Моя собственная точка зрения, однако, отличается, поскольку я предпочитаю сосредотачивать внимание на социальных условиях, в которых протекал транзит знаний и обмен идеями как таковой. Несмотря на ограничения, наложенные скудной документацией по сравнению с объемом, важностью, продолжительностью взаимоотношений Галактики Ломброзо и Латинской Америки, я постараюсь показать повседневную, социо-антропологическую картину этого взаимодействия. Как оно протекало, кто оплачивал расходы, каковы были ожидания приезжих и приглашавших, что говорили и о чем умалчивали обе стороны, как об этом писала современная пресса и научные издания, каковы были правила и привычки научно-академической среды того времени, что еще путешествовало между континентами помимо людей (артефакты, изображения, иногда человеческие останки, карты и расписания, материалы и методы исследований и каталогизации и т.д.) — эти и подобные вопросы получают ответы в книге.

Я считаю, что подобное антропологическое внимание к деталям полезно для выявления в том числе и связей между этим

---

* Фернандо де Азеведо (1894–1974) — выпускник университета в Сан-Паулу, социолог, критик, журналист

обменом и различными повестками, определяющими геополитику знаний. На перекрестке науки и народной культуры, начиная с различных точек зрения и способов действия, формируется новое научное транснациональное сообщество, под эгидой того, что Эрик Хобсбаум* определил как «эпоху империй». Все это на самом деле создало некую моральную географию, которая определила идеальные места для проведения исследований и получения впечатлений и ощущений (сильных), перемещаемых в иные места. Они подходили не только для описания, обработки и публикации результатов исследований, проведенных в иных местах, но и для разработки теорий или схем интерпретации универсального значения. Если Галактику Ломброзо можно интерпретировать как метафору эпохи, то есть Италии периода, продлившегося от битвы при Седане** (1870) до убийства эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево**** (1914), то создание и развитие межнациональных обменов из студии ЧЛ в Турине — яркий пример того, как воспринималось и функционировало то, что представляли «новой наукой».

Мы увидим, что Латинская Америка была вполне представлена и в сети, и во взглядах многих последователей позитивистской школы, а также и в первых достижениях итальянской антропологии. Оба отца этой научной дисциплины, и одновременно вдохновителя ее первых и основных парадигм, Паоло Монтегацца и Чезаре Ломброзо, включали Латинскую Америку в свои цели и поддерживали с ней серьезные контакты. Прежде всего, лично ПМ. Потом, гораздо глубже, ЧЛ, который, хотя сам так никогда и не совершил путешествия в эти земли, тем не менее заставил отправиться туда многие умы и стимулировал, прямо или косвенно, многие социально-инженерные проекты. Роль Латинской Америки в создании позитивистской антропологической школы и итальянской ан-

---

* Эрик Джон Эрнест Хобсбаум (1917–2012) — британский историк-марксист, член Британской академии, один из выдающихся историков XX века.

** Битва при Седане (1 сент. 1870 года) — генеральное сражение Франко-прусской войны, закончившееся полным разгромом основных сил французской армии и пленением Наполеона III.

*** Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево (28 июня 1914 г.) — убийство наследника австро-венгерского престола сербским гимназистом Гаврилой Принципом формально послужило поводом к началу Первой мировой войны.

тропологии в целом, в период с 1880 до конца 20-х годов прошлого века, так и не получила должного внимания со стороны историков антропологии¹¹. Возможно, это связано с тем, что когда социальные науки формировались и институционализировались в Италии, после второй мировой войны, звезда Южной Америки, в силу ряда факторов, которые мы увидим далее, уже закатилась, и она стала постепенно превращаться в континент на орбите Запада, в Латинскую Америку.

В последние годы, прежде всего по случаю различных симпозиумов, организованных в 2009 году по случаю столетия со дня смерти ЧЛ, были опубликованы многочисленные книги, анализирующие феномен Ломброзо в Италии и посвященные сети контактов, созданных Галактикой Ломброзо в разных странах, в том числе и неевропейских. Сильвано Монтальдо, неутомимый куратор и инноватор Музея Ломброзо в Университете Турина, редактировал лично и принимал участие в создании важных научных работ. Уважаемая Делия Фриджесси написала ряд монументальных, высокого качества статей, так же, как и Мэри Гибсон (2004). Таким образом, вокруг феномена Ломброзо сложилось серьезное *научное сообщество*. Однако Латинская Америка, пусть и за редкими исключениями (особенно Каймари и Варезжао), столь важная для консолидации международной известности ЧЛ и сохранения знаний, остается в стороне от новых интерпретаций его исследований. Я постараюсь заполнить, хотя бы частично, этот пробел.

Книга состоит из четырех глав. В первой я кратко описываю контекст, в котором действовала Галактика Ломброзо, и перехожу к социокультурной атмосфере, в которой проходили научные дебаты по расовым вопросам, как в Италии, так и в других странах. В дебатах использовались три повторяющихся и взаимосвязанных термина: вырождение, социальные проблемы, раса. Во второй главе я погружаюсь в историю функционирования Галактики Ломброзо, ее твердого ядра и международной сети, которая оказалась весьма важной. Третья глава рассказывает о путешествиях трех членов Галактики в латинскую Америку — Гульельмо Ферреро, Джини Ломброзо и Энрико Ферри*. Эти путешествия можно интерпретировать как мета-

* Энрико Ферри / Enrico Ferri (1856–1929) — итальянский криминолог и политический деятель.